

О.Айтбаев

*Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова***Формально-логические основы религиозного и нерелигиозного мировоззрения**

В статье рассматриваются мировоззренческие основы религиозного и нерелигиозного мировоззрения. Отмечается, что основу религиозного мировоззрения составляют догма, вера и откровения, а основу нерелигиозного мировоззрения составляют разум и логика. Религиозный рационализм целиком строится на софизме – тавтологии, порочного круга, подмена тезиса, внелогических приемах и т.д. Религиозная догма не доказывает, а предписывает. Их логика очень проста: «это верно потому, что так учит церковь». Закон логики гласит, что от истинных посылок, получаем истинное умозаключение. Этим объясняется истинность логического закона.

Ключевые слова: мировоззрение, человек, истина, логика, мышление, мировоззрения, логика, наука, рассуждения, мысль.

Любое мировоззрение, как система воззрения на мир, на место человека в этом мире, нуждается в своем обосновании по истинности. Логика есть наука о правильном мышлении. Логическое суждение по истинности является фундаментом научного мировоззрения. Ибо суждение в форме предложения, высказывания, истинного суждения определяется, что нельзя допустить ничего противоречащего этому суждению и одновременно обладающего значимостью.

Задачей традиционной (формальной) логики является отделение правильных способов рассуждения (выводов, умозаключений) от неправильных. Правильные выводы называются также обоснованными, последовательными или логичными.

Рассуждение представляет собой определенную, внутренне обусловленную связь утверждений. От нашей воли зависит, на чем остановить свою мысль. Если мы хотим свои рассуждения провести до конца, то сразу попадаем в сети необходимости, стоящей выше нашей воли и желаний. Согласившись с одними утверждениями, мы вынуждены принять и то, что из них следует, независимо от того, нравится это нам или нет, способствует ли достижению наших целей или, напротив, препятствует им. Схематично данное рассуждение выглядит так: если есть первое, то есть второе; имеет место первое, значит, есть и второе. Это своего рода закон, что от истинных посылок следствие всегда ведет к истинному заключению. Этим объясняется объективность логического закона.

Формальная логика подчиняется правильным выводам, что позволяет из уже имеющегося получить новое знание, и притом с помощью «чистого» рассуждения, без всякого обращения к опыту, интуиции и т.п. Поэтому формальная логика связана прежде всего с ее основным принципом, в соответствии с которым правильность рассуждения зависит только от его логической формы. В этом ее сила и слабость. Опора только на логические формы породила схоластическую логику (ее слабость).

В отношении схоластической логики проблема истинности решается вполне в духе аристотелизма: прежде чем вещь станет предметом рассуждения, она должна существовать. Коль скоро вещь существует, дальнейшее является делом ее сущности. Например, то, что уже человеческая нога наступила на грабли. Согласно сущности грабли поранили ногу человека. Но естественная необходимость вступает в силу тогда, когда бог дает сущности также и существование: без божьей воли грабли на дороге не появятся.

Что вещь есть, **существует** — об этом говорит наличие у имени (непустого) объекта, именуемого нами; что есть существующая вещь — об этом говорит ее сущность. Поскольку же в воле Бога в возможности есть универсалии, сущности вещей, и лишь он дает им существование, и воля Бога проявляется как раз в этом **творении**. В самом же Боге сущность и существование находятся в единстве, так что нелепо спрашивать, может ли Бог создавать невозможные вещи (например, о камнях...). Поэтому схоластическая логика легла в основу религиозного мировоззрения. Основателем схоластической философии были теолог Ансельм Кентерберийский (1033–1093), Фома Аквинский (1225–1274).

Ансельму принадлежит **онтологическое доказательство** бытия Бога. Он утверждал, что познание истинного есть проявление истины, подлинная истина тождественна Богу. Его мольба: «Итак, господи, ты, даруешь вере разумение! Даруй мне, насколько признаешь полезным для меня, уразуметь, что ты еси, как мы веруем; и что ты еси именно то, во что мы веруем» [1; 73–74]. Это мольба стала началом попыток примирения разума с верой.

Фома Аквинский первый проводил четкую и резкую границу между верой и знанием. Он является основателем схоластической философии и логики, а также создателем католической религиозной философии. Суть его философии: все мироздание есть универсальный иерархический порядок внутри бытия, порядок, который установлен Богом и указывает всему существующему его прирожденное место. Интеллект, по его мнению, подчинен воле.

Противоречие является одним из центральных понятий логики. Поскольку слово «**противоречие**» многозначно, то порой отрицающие друг друга высказывания называют иногда «логическим противоречием», или **абсурдом**.

Противоречие недопустимо в строгом рассуждении, но у противоречия в обычном языке много разных задач. Оно может выступать в качестве основы сюжета, быть средством достижения особой художественной выразительности, комического эффекта и в религиозных догмах. Логический закон непротиворечия говорит о недопустимости одновременного утверждения и отрицания того же самого. Абсурдное высказывание представляет собой прямое нарушение этого закона. Абсурдным считается также выражение, которое не является противоречивым, но из которого все-таки может быть выведено противоречие.

Изречение христианского богослова К. Тертуллиана (160–222) «Верую, потому что абсурдно» становится для христианской доктрины официальным и до сих пор лежит в основе богословия. Он утверждал: «Сын божий распят — не стыдно, потому что постыдно. И умер сын божий — это вполне достоверно, потому что нелепо. И погребенный воскрес — это верно, потому что невозможно» [2; 680]. Это принцип сознательного игнорирования логических противоречий и признания абсурда во имя слепой веры.

Конечно, нормальный человеческий рассудок стремится все-таки к устранению логических противоречий, если даже они и канонизированы. К числу таких попыток следует отнести, в частности, **теодицею**. Теодицея (гр. справедливость, т.е. богооправдание) — религиозно-философская концепция, отстаивающая правомерность и целесообразность существования зла в мире, созданном Богом, — источнике абсолютного добра. Понятие «теодицея» было введено в употребление философом Г.В. Лейбницем, посвятившим «оправданию бога» книгу «Теодицея» (1710). В той или иной форме теодицея входит, по существу, во все богословские системы различных религий и в некоторые религиозно-философские учения. Всюду в них зло под разными предлогами отрицается, выдается за добро.

По своему замыслу идея **теодицеи**, мистифицирующая онтологизацию логического противоречия, есть утверждение о тождестве заведомо различных объектов. Существующие в мире реальные диалектические противоречия — это далеко не то же самое, что логические противоречия. Выражая противоречия реальной действительности, наше мышление не становится от этого логически противоречивым. Богословы же делают из нужды добродетель. Гегель ставил своей задачей обоснование религии, но полагал, что познание бога дается не путем откровения, а через логическое мышление. Он не подчинил разум вере, а ставил разум выше слепой веры. Гипостазирование логического противоречия, совершаемое упомянутыми религиозными мыслителями, таким образом, совершенно не соответствует духу гегелевской диалектики. Логически противоречивый бог выводится теологами из того, что он непостижим для пользующегося формальной логикой абстрагирующего рассудка, выше которого они ставят откровенную веру. Но для Гегеля высшее по отношению к рассудку — это диалектический разум, а вовсе не религиозная вера. Противоречивость идеи бога метафизична, а не диалектична.

Класс предложений, составляющих вероучение, является неупорядоченным классом, и вера отнюдь не обязывает верующего к его упорядочению. Тем не менее даже фанатически верующий человек не ограничивается в своей жизни только верой, он ежедневно и ежечасно выходит за ее пределы. А это значит, что во внерелигиозной области он пользуется рациональным мышлением с его логикой. Это накладывает отпечаток и на религиозное мышление верующего, тем более проповедника или теолога, обязанного и вынужденного в чем-то убеждать или разубеждать, что немислимо без соблюдения правил общечеловеческой логики. Иначе проповедь будет попросту

непонятной, и паства не поймет, чего от нее хочет церковь. Это означает, что в религиозном мышлении, каким бы несуразным оно ни было, возможна более или менее отчетливая какая-то упорядоченность класса догматических предложений.

Реализацией этой тенденции и является теология. И поскольку упорядочение собственно догматических предложений невозможно, к ним добавляются новые, собственно теологические предложения, которые призваны несколько сгладить внутреннюю противоречивость догматики с целью ее «уяснения» и проповеди.

Так, предложение «Христос есть сын бога» относится к классу предложений веры (догматических), а предложение «откровение содержится не только в писании, но и в предании» — к классу собственно теологических. И тем не менее, даже при введении большого числа чисто теологических предложений догматов, остается невыполненным, в силу того, что теологические предложения отнюдь не посягают на предложения догматические, а это препятствует упорядочению. Теологические выводы дедуктивным путем получить невозможно. Апологический характер теологии неустраним никакими религиозно-философскими соображениями, и редуцированность теологических рассуждений, т.е. их постоянное возвращение к предложениям веры, лишний раз иллюстрирует порочный круг религиозного мышления.

Логика теологии примерно такова: теология начинает (теоретически) с предложений веры, затем объясняет их теологическими заключениями, которые таковы, что из них могут быть выведены предложения веры, после чего выводят из теологических заключений новые предложения, которые могут быть проверены на то, относятся ли они к предложениям веры, и, наконец, проверяют ли такие предложения исследованием их согласованности с другими предложениями в образовавшейся теологической системе. Исходя из данного положения, богословы пытаются убедить, что подобный способ построения религиозно-теологической речи «удивительно аналогичен» структуре речи большинства естественных наук. Но уже сам исходный пункт и объект теологической логики — догматы веры — таков, что не имеет ничего общего с объектами естествознания. Предложения веры вовсе не аналогичны научным аксиомам и постулатам, ибо не обладают ни очевидностью, ни возможностью практической проверки, ни эмпирической ценностью. Это обстоятельство отчетливо осознается современными теологами, не устающими твердить о «неподсудности» божественного откровения человеческой логике.

Логика религиозной речи в ее реальном виде строится примерно следующим образом. Прежде всего, в любой религиозной речи есть класс высказываний об объекте религии. Этот класс и есть вера (вероучение, догматика), а его элементы — предложения веры. Примеры подобных предложений: «Христос есть сын бога», «Мир сотворен богом из ничего», «Существует загробное воздаяние». Предложения веры верующие обязаны принимать без всякого объяснения. Как поучает один из видных православных богословов, «всякий ищущий доказательства церковной истины тем самым показывает свое сомнение, исключает себя из церкви» [3; 36]. Догмы не доказываются, а предписываются. Логика их принятия очень проста: «Это верно потому, что так учит церковь» [4; 214–215]. Содержание догмы недоступно разуму, сверхразумно и как таковое неподконтрольно критическому рациональному мышлению. Характерно, что согласие с догмой теология оценивает не только интеллектуально, но и морально: кто отвергает догму, тот отверженный, грешник, еретик, он не просто заблуждается, он кощунствует. Теологические рефлексии, призванные довести сверхразумные догматы до сведения верующих, сводятся к метафорам, образным сравнениям, эмоциональным оценкам, т.е. к внелогической сфере.

В «Кредо» скрыто, а в теологии явно содержится правило, устанавливающее, какие предложения следует отнести к классу «благочестивых», «правовверных». Задается это правило описанием контекста и гласит, что все содержащееся в писании или кредо данной религии относится к «истинной» вере. Многочисленные споры первых веков христианства насчет символа веры, а также относительно подлинности или апокрифичности отдельных библейских книг имеют в виду именно это теологическое правило. Как известно, в истории христианства различное применение этого правила служило поводом к разделению церквей, отделению протестанства и тому подобным явлениям. Между правилом и его использованием лежит герменевтика, истолкование в данном случае религиозных положений, на которое решающее влияние оказали социально-исторические условия. Но и это правило религиозной «логики» несомненно связано с религиозной нетерпимостью и рознью.

И, наконец, существует еще одно, так сказать, «эпистемическое» правило, в соответствии с которым каждый элемент «истинной» веры, т.е. любое предложение, удовлетворяющее предыдущему правилу, должно рассматриваться и приниматься как истинное. Так, любой христианский катехизис гласит: все, что Бог открыл в своем откровении, а церковь предлагает в это верить, есть безусловная и святая истина. Все предложения веры должны рассматриваться как абсолютно достоверные, т.е. имеющие вероятность, равную единице. Более того, находятся даже такие рьяные теологи, которые настойчиво утверждают, что в силу своего сверхъестественного происхождения истины веры имеют вероятность выше единицы, хотя само понятие вероятности исключает данное положение как нелепость. Отсюда следует, что любые формы светского знания или иных вероисповеданий, не совпадающие с «истинами веры» данной религии, должны быть с порога отвергнуты, осуждены, преданы анафеме.

Таким образом, на теологической логике лежит вполне отчетливая печать догматизма, авторитаризма и фанатизма.

Мнимое знание, проповедуемое религией, влечет за собой столь же мнимую «логику». Разум, употребленный на обоснование неразумия, порождает извращение элементарных логических законов, попрание их. Почву для нарушения, например, закона тождества составляет религиозное удвоение мира, благодаря которому появляется возможность софистически оперировать разными понятиями, выдавая их за одно или, наоборот, единое понятие за два разных. Нарушение закона противоречия проистекает из принципиальной превратности религиозного мышления, не могущего быть логически последовательным. Туманность и таинственность догматов ведут к нарушению закона исключенного третьего. И наконец, догматизм и авторитарность, слепая вера вместо рациональной аргументации, составляющие суть теологии, неизбежно предполагают несоблюдение закона достаточного основания.

Логика по своей природе чужда априоризму и догматизму, поэтому теологическая «логика» не может не сопровождаться софизмами, т.е. намеренным нарушением правил элементарной общечеловеческой логики. Та куца, обессиленная, урезанная логика, которая властвует в теологии, заслуживает изучения лишь как пример функционирования превратного мышления. Если вера ставится выше разума, то логика превращается в свою противоположность — алогизм.

Вопрос о религиозном мышлении содержит в себе, следовательно, известную двойственность. С одной стороны, религиозное мышление, будучи по своей природе превратным, иллюзорным, базирующимся на слепой вере, тем самым должно быть и действительно является алогичным. С другой стороны, религиозное сознание существует и на рациональной ступени, а это значит, что оно пользуется какими-то логическими формами, подчиняя это пользование законам и правилам общечеловеческой формальной логики, и выходит, что религиозное мышление по-своему логично. Однако, как было изложено ранее, при попытках свести религиозную догматику в логичную схему, богословие неизменно терпит крах.

Отсюда, с одной стороны, использование формальной логики в апологетических рассуждениях — традиция, идущая от средневековой схоластики с ее так называемым «богословским силлогизмом», а с другой — ограничение человеческой логики в области постижения божественного. Логика в руках богословов становится урезанной, ограниченной, подчиненной алогичной вере и, испытав «ряд волшебных изменений», превращается сначала в схоластику, а затем и мистическую софистику. Поэтому, хотя превратное мышление, очевидно, не может быть логичным в полном смысле этого слова, можно все же вести речь о логике религиозного мышления как логике ущербной и скованной. Очевидно, сознавая все это, нынешние теологи вынуждены признать, что «богословие не придает своим положениям логической принудительности» [5; 7–8].

Из всего сказанного, сделаем вывод. Анализ богословских отдельных суждений показывает, что «логика» религиозного мышления целиком строится на софизмах — тавтологии, порочном круге, подмене тезиса, предвосхищении основания, внелогических приемах и т.д. Фидеизм, т.е. подчинение знания вере, делает эту софистику неизбежной.

Список литературы

- 1 Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. (Сборник). — М.: Наука, 1974. — 250 с.
- 2 *Преображенский П.* Тертуллиан и Рим. Краткий научно-атеистический словарь. — М.: Наука, 1969. — 798 с.

- 3 Мен А. Теология знаний // Журнал Московской патриархии. — М., 1955. — № 7. — С. 50–55.
- 4 Габинский Г.А. Теология и чудо. — М.: Мысль, 1978. — 279 с.
- 5 Основное богословие: Курс лекций для духовных семинарий. — Ч. 1. — Киев, 1956. — 73 с.

О.Айтбаев

Діни және діни емес дүниетанымның формалды-логикалық негіздері

Мақалада діни және діни емес дүниетанымдықтың негіздері қарастырылады. Діни дүниетанымдықтың негіздерін құрастыратын ұғымдар: догма, сенім және аян, ал діни емес дүниетанымдықтың негізін құрастыратын ұғымдар: ақыл және логика. Діни рационализмдік көзқарастың негізі софьлық тавтология, қырсық шеңбер, тезисті ауыстыру, логикадан тыс әдістер және т.с.с. Діни догма ештеңені дәлелдеп жатпайды, ол тек қабылдауды (сенуді) талап етеді. Діннің логикасы өте қарапайым: «...бұл дұрыс (ақиқат), себебі шіркеу осылай оқытады». Логиканың заңы бойынша: «...ақиқаты алғы шарттардан, ақиқат ойқорытынды шығады». Бұл логиканың объективті заңы.

О.Айтбай

Formal-logical basis of religious and non-religious worldviews

World outlook bases of the religious and nonreligious outlooks are considered in the article. Further it is noticed that the basis of religious outlook consists of the dogma, belief and revelations, and nonreligious outlook consists of the reason and logic. Religious rationalism is whole built on the sophism — tautology, vicious circle, substitution of the thesis, extra logical receptions etc. The religious dogma doesn't prove, but it orders. Their logic is very simple: «it is true because church learns it». The law of logic says that it always conducts from true messages to the true conclusion. It explains objectivity of the logical law's validity.

УДК 378.1 (045)

Ф.Н.Зиатдинова

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

Образование как сфера трансформации духовно-культурных ценностей общечеловеческого и национального характера

В статье рассматриваются современные тенденции развития системы образования в условиях глобализации. При этом решающее значение придается духовным ценностям. Главным фактором сохранения духовной основы образования является осознание того, что каждый ребенок пришел в мир со своей уникальной миссией. Дается сравнительный анализ состояния образования в России и в других странах, который показывает значение поликультурного образования в современном мире. Обосновывается необходимость формирования духовного здоровья личности, развитие нравственных ценностей. Признается актуальным педагогическое стимулирование и культивирование в личности воспитанника чувства справедливости, независимости, внутренней свободы.

Ключевые слова: современный мир, системы образования, глобализации, духовные ценности, поликультурное образования, духовное здоровья, личность, педагогическое стимулирование, культивирование, внутреннее свобода.

В современных условиях развития нашего общества под воздействием глобальных тенденций актуальной задачей все же остается переход системы образования к его многообразию. Преобразования в сфере образования сегодня трудно представить без восприятия необходимости целостного подхода к происходящим изменениям. В основе лежит трансформация системы образования в культурно-